

ЭВРИСТИКИ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕЛЕНА ЯКУБЫ: ВЗГЛЯД ИЗ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ И 2019 ГОДА

Александр Голиков

доктор социологических наук, доцент кафедры социологии

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина,
email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

В статье раскрывается эвристический потенциал социологической концепции социальной активности, разработанной фундатором Харьковской социологической школы Е. А. Якубой в 1960-1980 годах. Основываясь на историко-социологическом материале и концептуальном анализе, автор демонстрирует потенциал данной концепции с позиции социологии знания. Анализируется ряд смежных категорий и проблем, которые вводятся Е. А. Якубой в обсуждение проблематики социальной активности. Подчеркивается, что избранная Е. А. Якубой позиция позволяет детально изучать и измерять социальную активность (то есть отвечать на вопрос «как?»), однако именно социология знания даёт шанс на исследование социогенеза и онтогенеза социальной активности (то есть отвечать на вопрос «почему?»). Приводятся и анализируются определение, системные связи и способы операционализации и индикализации социальной активности, предлагаемые Е. А. Якубой. Особый акцент сделан на анализе того, как категория «социальная активность» связана с категорией «субъектность». Важнейшим сюжетом оказывается социальная сущность активности, то есть её включённость в социальность личности. Прослеживается эволюция взглядов Е. А. Якубы на эти феномены, а также на их связь с социальной зрелостью, деятельностью, личностью. Исследуются возможности социологии знания в синтезировании разных аспектов концепции Е. А. Якубы. Акцентируется внимание на системности этой концепции, анализируется специфика имплицитного влияния марксизма на её разработку. Формулируется вывод о возможностях и ограничениях актуализации концепта «социальная активность» в социолого-знаниевом прочтении теории Е. А. Якубы.

Ключевые слова: Елена Александровна Якуба, социальная активность, социальная деятельность, субъектность, Харьковская социологическая школа, социология знания, знание.

У статті розкривається евристичний потенціал соціологічної концепції соціальної активності, розробленої фундатором Харківської соціологічної школи О. О. Якубою в 1960-1980 роках. Грунтуючись на історико-соціологічному матеріалі і концептуальному аналізі, автор демонструє потенціал даної концепції з позиції соціології знання. Анализується ряд суміжних категорій і проблем, які вводяться О. О. Якубою в обговорення проблематики соціальної активності. Підкреслюється, що обрана О. О. Якубою позиція дозволяє детально вивчати і вимірювати соціальну активність (тобто відповідати на питання «як?»), Проте саме соціологія знання дає шанс на дослідження соціогенезу і онтогенезу соціальної активності (тобто відповідати на питання «чому?»). Наводяться і аналізуються визначення, системні зв'язки і способи операционалізації і індикалізації соціальної активності, пропонувані О. О. Якубою. Особливий акцент зроблено на аналізі того, як категорія «соціальна активність» пов'язана з категорією «суб'єктність». Найважливішим сюжетом виявляється соціальна сутність активності, тобто її включеність в соціальність особистості. Простежується еволюція поглядів О. О. Якуби на ці феномени, а також на їхній зв'язок з соціальною зрілістю, діяльністю, особистістю. Досліджуються можливості соціології знання в синтезі різних аспектів концепції О. О. Якуби. Акцентується увага на системності цієї концепції, аналізується специфіка імпліцитного впливу марксизму на її розроб-

ку. Формулюється висновок про можливості та обмеження актуалізації концепту «соціальна активність» в соціолого-знаннєвому прочитанні теорії О. О. Якуби.

Ключові слова: Олена Олександрівна Якуба, соціальна активність, соціальна діяльність, суб'єктність, Харківська соціологічна школа, соціологія знання, знання.

Heuristics of “social activity” concept in Yelena Yakuba’s interpretation: view from sociology of knowledge and view from 2019

Alexander Golikov

Doctor of Science (Sociology), Associate Professor, Professor Department of Sociology
V. N. Karazin Kharkiv National University, 4, Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine,
email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

The article reveals the heuristic potential of the sociological concept of social activity developed by the founder of the Kharkov Sociological School E. A. Yakuba in the 1960-1980s. Based on historical and sociological material and conceptual analysis, the author demonstrates the potential of this concept from the sociology of knowledge perspective. He analyzes a number of related categories and problems that are introduced by E. A. Yakuba to discuss the problems of social activity. It is emphasized that the elected by E. A. Yakuba position allows to study and measure social activity in detail (that is, answer the question “how?”). However, it is the sociology of knowledge that gives a chance to study the sociogenesis and ontogenesis of social activity (that is, answer the question “why?”). The definition, systemic connections and methods of operationalization and indication of social activity proposed by E. A. Yakuba are given and analyzed. A separate emphasis is placed on the analysis of how the category of “social activity” is associated with the category of “subjectivity”. The most important plot is the connection of the social essence of activity, that is, its inclusion in the sociality of the individual as a connection with the social whole. The evolution of the views of E. A. Yakuba on these categories, as well as their relationship with social maturity, activity, personality, is investigated. The possibilities of the sociology of knowledge in synthesizing various aspects of E. A. Yakuba approach are explored. Particular emphasis is placed on the consistency of E. A. Yakuba’s theory, and also the limitations and specifics of the (often implicit) influence of Marxism on its development have been studied. The conclusion about the possibilities and limitations of updating the concept of “social activity” in a sociological-knowledge reassembling of E. A. Yakuba’s theory is formulated.

Keywords: Elena Alexandrovna Yakuba, social activity, subjectivity, Kharkov sociological school, sociology of knowledge, knowledge.

*«Если бы форма проявления и сущность вещей
непосредственно совпадали,
то всякая наука была бы излишней» [1, с. 384]*

Социология начала XXI века столкнулась с рядом теоретических и эмпирических вызовов, которые до сих пор не находят своих ответов в полной мере. Среди этих вызовов есть и такие, которые могут быть самой социологией «использованы друг против друга», то есть эпистемологический ответ на один из них может стать инструментом противостояния другому. Именно такими «рифмующимися» вызовами, с нашей точки зрения, являются:

– вызов *антиметодологичности и антитеоретичности*, когда социологическая «мода самовластная» начинает диктовать социологам решения *ad hoc* как благо¹,

¹ Хотя блестящий в своей ядовитости П. Бурдьё по этому поводу, безусловно, сказал бы что-нибудь вроде: «не более чем скрытый способ сделать из нужды добродетель» [2]. И был бы абсолютно прав.

маркировать и стигмизировать «высокую теорию» как излишество, чрезмерность, метафизику и «тоталитарный модерный метанарратив». Этот вызов проявляется в социологической склонности к упрощённым способам рассмотрения и интерпретации социальной реальности, к фрагментации социальной теории, ситуативности её функционирования;

– вызов *амнезии*, который заключается в том, что социология при своей критичной настроенности на (в том числе и собственное) прошлое всё меньше знает это прошлое; теоретические и историко-теоретические курсы занимают всё меньшее место в социологических компендиумах и курсикулюмах; теоретические статьи теснятся и уступают всё больше места достаточно шаблонным, но при этом «эмпирически

укоренённым» и «конкретно проблемным» работам; в требованиях к публикациям всё меньше требуемого объёма отводится разработкам теоретико-методологических аспектов, а дискуссии чаще всего воспроизводятся исключительно в виде мёртвого в своей ритуализованности перечисления имён с (в лучшем случае) кратким перечнем «достижений» и «результатов», легко реконструируемых исключительно по названиям произведений по ссылкам.

Это приводит к тому, что теоретико-методологические вопросы зачастую рассматриваются как объект радикального омертвления, формализации и ритуализации, теоретические (и вообще фундаментальные) курсы оцениваются как (не-обходимое, от слов «невозможно обойти») зло, операциялизации и индикаторы строятся в лучшем случае *post factum*, а научные статьи всё больше напоминают отчёт о маркетинговом или электоральном исследовании. Применение могучих математических аппаратов или мощь демонстративных ссылок на зарубежные источники создаёт лишь декоративный и косметический эффект, как написал классик, «золотого зуба во рту у нищего». Именно рефлексивное, теоретически ответственное поведение автора, которое влечёт за собой, в том числе, и подзревающее² отношение к навязываемой социологической доксе, к базовым социологическим инструментам и операндам, снижает шансы на публикацию и повышает шансы на то, чтобы, как любят говорить сторонники современной парадигмы производства науки, *to perish*. Социологи всё больше поощряются к использованию исключительно «общенаучных категорий», к минимуму определений, концептуальных схематик, к простоте определений и максимальной близости между определениями, операциялизациями, индикаторам и измерениями. Это, безусловно, повышает маркетинговый потенциал публикаций (которые не нуждаются отныне в специализированной компетентности для их постижения и использования в дальнейшем), однако явственно отдаляет социологию от образа (пост)современной и (пост)(не)классической науки. Социология имплицитно оспаривает тем самым достаточно явно

проиллюстрированный самой логикой развития науки эпиграфальный тезис.

В этом свете социологическая классика, а также фундаментальные разработки предыдущих лет превращаются не только в важный источник социологических эвристик, гипотез, метафор, идей и оснований для концептуализации и сравнения, но и (не исключено) в залог сохранения собственно социологической идентичности, залог того, что сама социология останется социологией, а не превратится в дискурсивное или техническое обеспечение медийной, маркетинговой, политической или коммуникативной деятельности.

В этом смысле для Харьковской социологической школы да и вообще для всей украинской социологии значимым является научное наследие Елены Александровны Якубы – не только непосредственного или опосредованного учителя многих из современных исследователей, преподавателей, специалистов и вообще членов социологического сообщества Украины, но и создателя целого ряда концептуально и эпистемологически сложных, стройных и системно согласованных понятийных и методологических схем. Разработки Е. А. Якубы, не претендуя на парадигматический или общетеоретический уровень, при этом предлагают любому исследователю достаточно прозрачную и модельно выстроенную систему (одно из ключевых, кстати, слов в определении Е. А. Якубой природы и сущности общества). При этом в современной, в том числе украинской, социологии её разработки всё больше и больше отесняются, уводятся в тень, их осмысление и переосмысление практически не осуществляется. Это в полной мере касается и такой теории Е. А. Якубы, как разрабатываемая ею в течение почти двух десятилетий концепция социальной активности.

Именно поэтому *целью* нашей статьи является выявление, определение и описание эвристических возможностей концепции социальной активности Елены Якубы с позиций социологии знания.

Если осуществлять объективацию объективирующего субъекта в максимально объективирующих *kategorien*³, то

2 Так П. Рикёр обозначал отношение к реальности со стороны философов «школы подозрения» [3].

3 Напомним, что «категория» как *κατηγορία*, то есть «высказывание, обвинение», происходит от *κατηγορέω* «обвинять, говорить против кого-либо», где имплицитно присутствует *ἀγορά*, то есть народное собрание.

взгляд Е. А. Якубы на проблематику социальной активности (впрочем, не только на этот предмет) характеризуется словами «реалистский» (в противоположность номиналистскому). «макросоциологический». «системный» (в противоположность субъективистскому) и нормативизирующий (в противоположность нейтральному, веберовски-дюрггеймовскому, отстраняющемуся). Уже в своих ранних определениях социальной активности научная позиция Е. А. Якубы полностью соответствует этим объективациям. Так, подчеркивая, что социальную активность определяют через «... прежде всего результат деятельности...», она очерчивает свою позицию: «Вместе с тем определение уровня немисливо без анализа ценностной ориентации, выражающей потребности, интересы, установки, соответствующего субъекта общественных отношений» [4, с. 16]. Иначе говоря, «для нас отнюдь не безразлично, что ценится в общественной деятельности прежде всего, во имя чего совершаются те или иные действия, какие методы, средства при этом применяются» [4, с. 16]. Как видим, уже в этом раннем труде автор апеллирует к анализу мотивов, который «даёт знание степени сознательности и идейной убеждённости, лежащих в основе общественно активного поведения» [4, с. 17], где выделяет четыре группы: общественно полезная деятельность, развитие собственной личности, формальное выполнение общественных поручений, эгоистически корыстная деятельность. Вряд ли такой иерархирующий подход к феномену и его эпифеноменам был бы радикально одобрен в современной (постсоветской и не только) социологии; не повышает шансов на это и коллективистский пафос позиции Елены Александровны, однако именно иерархизация как приём и коллективизм как пафос дают шанс вернуть категории социальной активности специфическое значение, не размытое ни чрезмерным употреблением, ни эродирующим политическим воздействием, ни релятивистским абсолютизмом, покушающимся на все без исключения смыслы и мысли.

Философское и антропологическое основание такой позиции (отметим, много

в чём близкое нашему, изложенному в [5]) базируется на марксистской философии и антропологии человека как существа преобразующего: «Человек, реализуя свойственное ему стремление к преобразованию окружающего мира и самого себя, не может не обращаться к решению общих дел, связанных с управлением общественными процессами. Именно это и превращает его в гражданина» [6, с. 19]. Именно поэтому (в пику современному гипертрофированно обобщающему и размывающему пониманию социальной активности и активизма) автор уточняет, что «отнюдь не всякую деятельность, так или иначе связанную с деятельностью общественных организаций, можно рассматривать как общественно активную, а сам факт членства в той или иной организации – как проявление общественной активности. Характеристика любой деятельности требует учёта её побуждений и результатов» [6, с. 20]. Иначе говоря, социальная активность не может быть изучена акционалистски (для этого достаточно было бы просто «деятельности»), конструктивистски (для этого достаточно было бы «результатов»), символически-интеракционистски (для этого достаточно было бы членства), институционально (для этого достаточно было бы организаций) и даже феноменологически (для этого достаточно было бы одних побуждений). Социальная активность, таким образом, должна быть изучена, по логике Е. А. Якубы, исключительно с учётом позиций социологии знания, то есть изучения тех знаниевых сегментов, на которые опирается в своей деятельности человек. Делает ли это знание его субъектом, делает ли это знание его деятельность активной, как это знание (вос)производится в его деятельности, как оно разделяется (со)участниками социального процесса, как, в конце концов, это знание позволяет осознать себя и окружающих, отворчить действие, наполнить его инициативой и творчеством, а также как это знание связано с ответственностью⁴. Пара-

4 Здесь нельзя не упомянуть, что ответственность есть не что иное, как системное приспособление, аналогичное эволюционным приспособлениям вроде «предвидения» как механизма мышления, но на новом витке развития и дифференциации материи. Напомним, что в современной биологии и антропологии есть немало сторонников точки зрения, что мышление есть нечто иное, как эволюционные механизмы приспособления, который исходит из ограниченной

Это важно для понимания категориального статуса того или иного понятия, и особенно важно в контексте специфики деятельности и научной концепции Е. А. Якубы.

доксально (сказал бы современный социолог) и диалектично (как это на самом деле) автор увязывает активность, инициативность и ответственность: «Суть социальной активности в действительно сознательном, инициативном действии. Подлинную общественную активность всегда отличает творческий характер деятельности, тесно связанный с личной ответственностью за общее дело» [6, с. 21].

Вот почему (вполне в логике марксово *Gemeinwesen* [7]) социальная активность определяется через функциональные особенности социальной общности (на макроуровне), общую социальность личности (на микроуровне), принятие ценностных структур общества (на уровне знаниевых фрагментов)⁵. Обратим внимание на то, что словосочетание «функциональные особенности социальной общности» в данном определении является не только функциональным по содержанию (то есть описывающим социальные функции), но и функциональным по форме (то есть являющимся вторичным, зависимым, функцией от чего-то более первичного). Тогда как переменной, от которой функцией являются особенности социальной общности, является именно «общая социальность личности», которая разъясняется через «принятие ценностных структур» (что в дальнейшем было раскрыто учеником Е. А. Якубы в его монографии [9]).

Все вышеназванные аспекты концепции Е. А. Якубы хорошо прослеживаются и в более поздних трудах. Так, с одной стороны, автор окончательно определяется с микроуровневой сущностью при макроуровневой укоренённости явления социальной активности: «Общественная активность – это качество, выражающее социаль-

ность личности, т.е. её связи с социальным целым, с субъектами общественного развития. В общественной активности личности ярко проявляется её способность и готовность действовать в интересах общества, глубина принятия общественных интересов» [10, с. 32]. Обратим внимание на то, что сущностные измерения данного определения пролегают в пластах микрокатегорий «личность», «способность и готовность действовать», «принятие», тогда как генетические и эпистемологические измерения – в макропластах «социальное целое», «социальность», «интересы общества», «общественные интересы». Такая фактически синтетическая заявка реализуется во вполне социолого-знаниевом дизайне, когда структурные, системные, институциональные, групповые, общностные феномены исследуются через знаниевые детерминанты и аспекты.

При этом, заметим, в качестве эмпирических коннотатов используются как макросоциальные, так и микросоциальные индикаторы: гражданственность, ответственность, инициативность, добросовестность, масштабы, интенсивность, результативность. Показательно, что, кроме последних трёх, все показатели имеют отношение к знаниевым ресурсам; что анализ активности осуществляется активно, то есть вовлечённо в собственно социальную активность, и от веберовского идеала отстранённости от ценностей, свободы от оценки Е. Якуба явно далека: «Любая деятельность социально обусловлена, но она может быть по своей направленности антиобщественной» [10, с. 32], поскольку собственно социальная активность определяется как «...отношение человека к миру социальных ценностей, выражающееся в конкретной деятельности» [10, с. 33]. Ценность как модус функционирования знания обсуждается нами в [11], здесь же только подчеркнём, что тем самым автор интерпретирует активность не как процесс, а как длительно воспроизводимую устойчивую структуру отношений, где конкретная деятельность является лишь ситуативным выражением.

Таким образом, центром концепции социальной активности оказывается социальность – эквивалент марковского *Gemeinwesen*: «Социальность личности в широком смысле этого слова – это её связь с социально целым:

скорости работы нейронов, и, отталкиваясь от этого эволюционного недостатка, работает на упреждение, опережение, заставляя нейронные сети головного мозга функционировать прежде всего как инструмент прогнозирования / предвидения на базе уже прожитого. В этом смысле ответственность, рассмотренная в макроисторической и макросоциальной перспективе, может быть интерпретирована также как макросоциальный феномен системного уровня, сохраняющий деятельность как социальную и ежесекундно регулирующий её в рамках и пределах социальной системы.

5 «Социальная активность в собственном смысле слова выражает уровень реализации функциональных особенностей социальной общности, уровень общей социальности личности, её внутреннюю потребность в служении общественному долгу, уровень принятия ценностей общества» [8, с. 67].

обществом, социальными общностями, человечеством в целом» [12, с. 20]. Безусловно, здесь возникают разнообразные логические и этические коллизии на предмет возможных знаниевых конфликтов, проистекающих из разноуровневых идентичностей (идентичности глобального человека, гражданина страны, члена локального сообщества) или из разноуровневых ценностей (общечеловеческих, национальных, локальных, профессиональных), однако здесь, опираясь на известный логический «казус Азимова»⁶, мы с лёгкостью обнаружим те имплицитные рецепты, которые предписывает нам Е. А. Якуба. Ведь ни о каком линейном детерминизме и социальном реализме в его радикальном изводе речь не идёт. Автономия личности сохраняется: «Высокий уровень социальной активности предполагает не бездумное следование интересам социума, автоматическое принятие его ценностей, а самостоятельное их осмысление, понимание сути, сознательный их выбор. Поэтому в большей мере, нежели другие социальные качества, социальная активность позволяет дать оценку социальной зрелости личности» [12, с. 21]. Однако и те общесоциальные «требования» (в данном случае концептуализированные как «зрелость», нами же, без прямого влияния данной концепции – противоположным «инфантильность» [5, с. 102-117]) сохраняются и воспроизводятся. Причём универсализм социальной активности оказывается важным элементом социальной универсальности: «Распространённым выражением противоречивости социальной активности является в современных условиях противопоставление, абсолютизация социальных ценностей того или иного уровня, например потребностей, интересов, ценностей отдельной нации – ценностям общества, ценностей отдельных общностей – общечеловеческим ценностям» [12, с. 26]. Обнаруживается, что социальный активизм, социальная активность невозможны с партикулярных позиций, с позиций частных интересов, что, конечно, не отменяет прежде всего практического компонента социальной активности⁷.

6 Напомним: в последней части своей великой тетралогии А. Азимов формулирует так называемый «нулевой закон» и показывает на ряде мысленных сюжетных экспериментов его приоритет перед даже, казалось бы, неопровержимым и приоритетным перед любым другим «первым законом».

7 «...главное в нравственной культуре – это реаль-

Важным и обладающим высоким потенциалом в области социологии знания, с нашей точки зрения, является концепт зрелости, которую автор определяет так: «Социальная зрелость студента и выпускника – это определённая характеристика активности личности, уровень её развития, обращённые к социальным функциям личности. Социальная зрелость даёт представление об уровне социальности личности, её связи с социальным целым..., готовности действовать в общественных интересах, глубине принятия последних» [14, с. 12]. И если в нашей монографии мы выводили и определяли инфантильность через соотношение социального Второго и социального Третьего, то есть в конечном счёте через способ и режим вовлечения в социальное и его порядки, то здесь мы наблюдаем в ином терминологическом режиме примерно тот же эпистемологический ход.

В работе, которую, без сомнения, можно назвать одним из ключевых итогов творческой деятельности Е. А. Якубы, а именно в учебнике «Социология», вобравшем в себя десятилетия как исследовательского, так и педагогического опыта, автор несколько обобщает и уточняет свою концепцию. И, следует признать, многие заявленные там достаточно простым на концептуальном уровне языком тезисы являются невероятно социально актуальными сегодня и при этом явно ожидают своего детального анализа. Этот анализ, конечно, может осложнить восприятие тезисов Е. А. Якубы, однако при этом такой анализ позволит выявить доселе мало оценённые аспекты её концепции.

В частности, не вызывает сомнения, что автор возлагает на социальную активность как на макро-, так и на микроуровне особые надежды. В этом смысле её наследие схоже с идеями и разработками Алена Турена по поводу «человека действующего» [15]⁸. При этом, что характерно, активность имплицитно противопоставляется традиции,

ная нравственная активность, ибо культура – это не только и не столько направленность сознания и уровень знания, сколько определённое состояние их реализации, практического освоения» [13, с. 37].

8 И, кстати, тут автор вполне последователен: «В условиях ускорения социально-экономического развития страны, требующих активизации человеческого фактора, возрастает значение целенаправленного формирования в высшей школе социально активной личности молодого специалиста» [14, с. 9]

устойчивости, отжившему, умеренности⁹. Это выглядит несколько парадоксально не только потому, что концепция Е. А. Якубы отличается как раз высокой системностью не только на уровне концептуальном, но и на уровне содержательном (иначе говоря, для неё очевидной является системность общества), но и потому, что сама же автор неоднократно и разными концептуальными и теоретическими средствами подчёркивает, что в словосочетании «социальная активность» всё-таки субъектом оказывается «социальная», а предикатом – «активность», а не наоборот, как это интуитивно предполагается из элементарной грамматики.

Е. А. Якуба пишет: «Исходным, отправным в понимании социальной активности является уяснение ее связи с социальностью личности. Социальность личности в широком смысле этого слова - это ее связь с социально целым: обществом, социальными общностями, человечеством» [16, с. 79]. Далее автор уточняет, что речь идёт именно о глубине и полноте связи личности с социальным целым (именно личности, то есть, как это классически определяется, суммы социальных качеств человека, а не просто самого человека, его индивидуальности и т.п.), и лишь в силу этого превращении личности в субъекта социальных отношений¹⁰. Иначе говоря, любые попытки дефинировать социальную активность абстрактно от социальной целостности, от общественной системности во всём их многообразии и, как бы выразился Н. Луман, комплексности были бы однозначно отвергнуты автором¹¹. Современные интерпретации, однокоренные с анализируемым нами понятием и отсылающиеся к частным, зачастую глубоко противоречащим социальной

всеобщности и системности, интересам и ценностям, также были бы отвергнуты. И хотя по многим формальным признакам (а именно «сильное, устойчивое ... стремление влиять на социальные процессы», «реальное участие в общественных делах», «стремление изменить, преобразовать, или, напротив, сохранить, укрепить социальный порядок», «готовность... реализовать интересы», «активная деятельность» [16, с. 80]) социологи предпочитают расширять определение социальной активности и включать в него многие политически и социально ангажированные виды деятельности, есть некоторые существенные признаки, которые часто «не соблюдаются», например «понимание и принятие интересов общества и определённых общностей» и «деятельность самостоятельного субъекта». Диалектически Е. А. Якуба признаёт, что «активная личность – личность, для которой наивысшей ценностью является жизнь во имя общественных интересов, жизнь в гуще социальных событий, жизнь, субъективно включенная в движение и развитие общественных организмов и общественных процессов» [16, с. 80], а вовсе не отстраивающая себя от общества, вопреки обществу и в противоположность общественным интересам, развитию общества. В этом смысле носители социальной активности, противопоставляющие себя обществу (на базе полунигилистской риторики), демонстрирующие своё непонимание глубинных механизмов существования и развития общества, и, в конце концов, не обладающие «самостоятельной субъектностью»¹², вызвали бы у автора не только эпистемологическое удивление.

Именно в этом и заключается сложность исследования социальной активности: ведь «в основе социальной активности лежат особые характеристики самосознания личности, идентифицирующие ее с социумом и рассматривающие ее в качестве субъекта, выражающего и защищающего интересы общности как собственные» [16, с. 80]. Исследовать подобные личностные структуры методиками и техниками классической эмпирической социологии достаточно затруднительно, особенно учитывая разнообразные эффекты, связанные с

9 «В условиях качественного преобразования общества проблема социальной активности масс и личности приобретает особое значение. Процесс радикального обновления невозможен без вовлечения в него самых широких масс, без развития новых нетрадиционных форм социальной активности» [16, с. 79].

10 «Социальная активность личности - системное социальное качество, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, т.е. глубина и полнота связей личности с социумом, уровень превращения личности в субъекта общественных отношений» [16, с. 79].

11 «Социальная активность не может быть сведена к одному из моментов сознания или деятельности личности. Это исходное социальное качество, которое выражает целостное, устойчивое активное отношение к обществу, проблемам его развития и определяет качественные особенности и сознания, и деятельности, и состояний личности» [16, с. 79].

12 Отметим, что, в том числе с целью избежать такой лёгкой логической тавтологии, мы в [17] предложили категорию метасубъектности.

искренностью респондентов, тогда как социология знания (в феноменологическом или структурно-конструктивистском, синтетическом или микросоциологическом изводах) накопила немалый инструментарий.

Хотя и сама автор предлагает на структурном и функциональном уровнях и в методологических подходах критерии для измерения социальной активности: «Показателями высокого уровня социальной активности является осознанная включенность в социальную жизнь, высокая личная значимость интересов общества в целом и конкретных общностей, осознание личностью своего места в обществе, персональной ответственности за происходящие в нем процессы. ...Необходимо выявить, берет ли личность на себя в связи с ориентацией на определенные ценности цели, дополнительные обязательства, более весомые специализированные роли или лишь добросовестно либо инициативно выполняет ранее ей присущие» [16, с. 81]. Заметим, что здесь снова-таки Е. А. Якуба исследует сугубо деятельностные (по внешним проявлениям) феномены знаниевым образом, то есть через цели, обязательства, роли, добросовестность, инициативность. В этом смысле синтетические послы автор сохраняет на протяжении всей своей концепции: «Нарушение целостности активности как социального системного

качества наблюдается ярче всего во взаимосвязи ценностной ориентации и деятельности, когда деятельность развивается вопреки ценностным ориентациям на базе ситуационных мотивов» [16, с. 83].

Таким образом, концепция социальной активности, предложенная Е. А. Якубой, отличается высоким уровнем конкретизации и операционализации своего центрального предмета. При этом невнимание к этой конкретизации и операционализации имеет для социологии и, как мы видим, социальной практики Украины уже сейчас не только эпистемологические, но и социальные, политические, культурные последствия. Кроме того, хотя автор явно и не опиралась на эти разработки, а также не планировала такие эпистемологические эффекты, в её концепции мы видим высокий потенциал анализа с позиции социологии знания. И, наконец, не менее важным, с нашей точки зрения, является та самая гражданская позиция, та социологическая заинтересованность и вовлечённость, которые за автором замечали все знавшие её и которые воплощаются в её словах: «Распространенным выражением противоречивости социальной активности является в современных условиях противопоставление, абсолютизация социальных ценностей того или иного уровня, например потребностей, интересов, ценностей отдельных общностей – общечеловеческим ценностям» [16, с. 85-86].

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1962. 552 с.
2. Bourdieu P. and Waquant L. J. D. An Invitation to Reflexive Sociology. Polity Press, Blackwell, 1992. Part III. The Practice of Reflexive Sociology (The Paris Workshop) by P. Bourdieu.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2002. 624 с.
4. Якуба Е. А. К вопросу о критериях уровня развития общественной активности. Елена Александровна Якуба. Учёный. Учитель. Человек. Харьков, 2004. 353 с., с. 16-18.
5. Голиков О. С. Фабрикація порядку. Знання в конституюванні соціального. Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2018. 592 с.
6. Якуба Е. А., Бухалов Ю.Ф. Общественная активность, её содержание и критерии. Елена Александровна Якуба. Учёный. Учитель. Человек. Харьков, 2004. 353 с., с. 19-29.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. с. 7-544.
8. Якуба Е. А. Понятие социальной активности личности. Елена Александровна Якуба. Учёный. Учитель. Человек. Харьков, 2004. 353 с., с. 67-84.
9. Бакиров В.С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора. Харьков : Издательство при Харьковском университете «Высшая школа», 1988. 152 с.
10. Коммунистические идеалы и становление личности студента / под ред. Е. А. Якубы. Харьков : Высшая школа, 1977. 203 с.
11. Голиков А.С. Ценности как модус знания: возможности Wissenanalyse. Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання. Тези доповідей та виступів учасників III конгресу Соціологічної асоціації України. Харків, 12-13 жовтня 2017 р. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. С. 78-80
12. Якуба Е.А. Критерии и показатели социальной активности личности. Вестник Харьковского университета. Ме-

- тодологические и методические проблемы социологических исследований социальной активности личности. 1991. № 351. С. 19-26.
13. Якуба Е.А. Нравственная культура молодого специалиста, проблемы её формирования в ВУЗе. Вестник Харьковского университета. Формирование социальной активности специалиста в ВУЗе. 1985. № 271. С. 36-44.
 14. Воспитательный процесс в высшей школе: его эффективность. Социологический аспект / Е. А. Якуба и др. Киев: Вища школа, 1988. 275 с.
 15. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Москва: Научный мир, 1998. 204 с
 16. Якуба Е. А. Социология. Учебное пособие для студентов. Харьков: Константа, 1996. 176 с.
 17. Голиков А. С., Сокурская Л. Г. Дискурс социального субъекта и субъект социального дискурса: возможность знаниевых теорем. Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences. 2016. IV (17). Issue 108. Pp. 58-65.

References

1. Marx, K. and Engels, F. (1962) Works. T. 25. Part II. Moscow: State Publishing House of Political Literature [in Russian]
2. Bourdieu, P. and Waquant L. J. D. (1992) An Invitation to Reflexive Sociology. The Practice of Reflexive Sociology (The Paris Workshop) by P. Bourdieu. Part III. Polity Press, Blackwell.
3. Ricoeur, P. (2002) Conflict of interpretations: essays on hermeneutics. Moscow: Canon Press C, Kuchkovo Field [in Russian]
4. Yakuba, E. A. (2004) 'Forward to the criteria for the level of social activity development' Elena Alexandrovna Yakuba. Scientist. Teacher. Human. Kharkov, pp. 16-18 [in Russian]
5. Golikov, A. S. (2018) Fabrication of Order. Knowledge in the Constitution of the Social. Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv National University [in Ukrainian]
6. Yakuba, E. A. and Bukhalov Yu.F. (2004.) 'Social activity, its content and criteria' Elena Alexandrovna Yakuba. Scientist. Teacher. Human. Kharkov, pp. 19-29 [in Russian]
7. Marx, K., and Engels, F. (1955) 'German ideology'. Works. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature, p. 7-544.
8. Yakuba, E. A. (2004) 'The concept of individual social activity' Elena Alexandrovna Yakuba. Scientist. Teacher. Human. Kharkov, pp. 67-84 [in Russian]
9. Bakirov, V. S. (1988) Valuable consciousness and activation of the human factor. Kharkov: Kharkov University Publishing House "Higher School" [in Russian]
10. Communist ideals and the formation of student personality. In E. A. Yakuba (ed.) Kharkov: Higher School [in Russian]
11. Golikov, A. S. (2017) 'Values as a modus of knowledge: possibilities of Wissenanalyse'. New irregularities - new conflicts: hatreds of the day. Theses of the participants of the Third Congress of the Sociological Association of Ukraine. Kharkiv, 12-13 July, 2017 p. Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv National University, pp. 78-80 [in Russian]
12. Yakuba, E. A. (1991) Criteria and indicators of individual social activity. Visnyk of Kharkov University. Methodological and methodological problems of sociological studies of individual social activity. No. 351, pp. 19-26 [in Russian]
13. Yakuba, E. A. (1985) The moral culture of the young specialist, the problems of its formation in the university. Visnyk of Kharkov University. The formation of the social activity of a specialist in a university. No. 271, pp. 36-44 [in Russian]
14. Yakuba, E. A. et al (1988, p. 275) The educational process in higher education: its effectiveness. Sociological aspect. Kiev: Higher School [in Russian]
15. Turen, A. (1998) Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society. Essay on sociology. Moscow: Scientific World [in Russian]
16. Yakuba, E. A. (1996) Sociology. Textbook for students. Kharkov: Constant
17. Golikov, A. S. and Sokuryanskaya, L. G. (2016) The discourse of the social subject and the subject of social discourse: the possibility of knowledge theorems. Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences. IV (17). Issue 108. Pp. 58-65.